

— Чжао-гэр, вот ты где! — Чжоу-гэр бросил косой взгляд на Ма Вэня и добавил с явным подтекстом: — Впредь не ходи за водой в это время. В обед и ужин здесь всегда полно народу. Неужто забыл, что случилось с Лю-паршивцем?

Тот замер, не решаясь сделать и шага.

Мимо прошли несколько деревенских женщин с корзинами — видать, собрались в лес за дикими травами. Чжао-гэр, дождавшись, пока они отдалятся, спросил вполголоса:

— Ты искал меня по какому-то делу?

— Да нет, — Чжоу-гэр оглянулся. Молодой человек всё ещё стоял на месте, растерянно глядя им вслед. Собеседник раздражённо цыкнул: — О чём ты с ним толковал? Он что, опять к тебе липнет?

Чувства Ма Вэня к Чжао-гэру не были для него тайной. Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Ты бы держался от него подальше. Не ровен час, увидят люди — опять сплетни пойдут.

Деревенские досужих до чужих дел: стоит парню или девке постоять рядом с кем-то подольше, как тут же рождается десяток версий их «тайной связи». А тут и вовсе случай особый: Ма Вэнь — «бывший муж» Чжао-гэра. Весь посёлок следил за ним с самого его возвращения. Стоило им сойтись на берегу, как в головах соседей наверняка уже созрел вопрос: неужто старые чувства вспыхнули вновь? Не бросит ли Чжао-гэр своего нынешнего ради старой привязанности?

— Я понимаю, — тихо ответил тот.

— Да боюсь я, как бы ты сдуру чего не натворил, — Чжоу-гэр зашагал рядом с ним к дому. — Фан Цзычэня сейчас в деревне нет, он многого не знает. Ты бы сам ему намекнул про Ма Вэня. Тот сегодня тебя за руки хватал, многие могли увидеть. Пойдут слухи — муж услышит и вряд ли будет доволен.

Чжао-гэр кивнул:

— Да, я так и сделаю.

Едва они вошли во двор, как из-за дома донеслось довольное квохтанье. Пока гость с любопытством оглядывался, из дверей вышел Гуай-цзай, бережно прижимая к груди яйцо.

— Дядя Чжоу! — звонко поприветствовал его малыш.

Лю-лю, сын Чжоу-гэра, был всего на несколько месяцев старше. По совести говоря, не будь Лю-лю его собственной плотью и кровью, Чжоу-гэр, пожалуй, любил бы Гуай-цзая больше. Ему всегда казалось, что этот ребёнок не похож на прочую деревенскую детвору, хотя в чём именно заключалось отличие, он объяснить не мог. Гуай-цзай был худощав и одет в простую одежду, но черты его лица поражали своей изящностью и чистотой. Когда малышу было всего несколько дней от роду, местная повитуха, случайно его увидев, божилась, что за всю свою долгую практику не встречала столь красивого младенца — лицом он был краше любой городской девчонки.

Чжао-гэр тогда едва сводил концы с концами, так что льстить повитухе не было никакого смысла. Свидетелей тому разговору нашлось немало, и все понимали: старуха говорила от чистого сердца. С годами Гуай-цзай стал ещё милевиднее. Огромные ясные глаза и нежный, тонкий голосок делали его общим любимцем.

— И где же ты взял такое сокровище? — с улыбкой спросил гость.

— Курочка подарила, — Гуай-цзай указал ручкой в сторону заднего двора.

Чжоу-гэр погладил его по голове:

— Вот как? Ну, тогда попроси папу сварить его тебе, хорошо?

Гуай-цзай прикрыл яйцо ладонками и без тени сомнения ответил:

— Нет, я хочу оставить его отцу.

Чжоу-гэр на миг лишился дара речи.

— Какой же ты послушный и заботливый ребёнок, — мягко произнёс он.

Гуай-цзай застенчиво улыбнулся и со всех ног припустил на кухню, чтобы спрятать находку. Чжоу-гэр заглянул за дом и увидел в углу, у самой стены, небольшой соломенный навес, под которым важно устроилась старая пеструшка.

— Когда это вы успели обзавестись птицей? — крикнул он.

— Староста подарил, — подошёл Чжао-гэр. — Муж решил, пусть живёт и несёт яйца. Кстати, ты не знаешь, кто в деревне сейчас продаёт яйца?

— Знаю, конечно. Неужто прикупить хочешь?

— Угу, — подтвердил тот. — Муж велел достать побольше, чтобы мы могли их есть.

Уходя утром, Фан Цзычэнь оставил ему серебро и наказал не скупиться: если в деревне не найдётся, он сам привезёт из города.

— У семьи Хэ точно есть, — Чжоу-гэр имел в виду Хэ Далэна. — А сколько тебе надобно?

Летом яйца долго не хранятся. Фан Цзычэнь велел ему жарить по две штуки в день — для него самого и для ребёнка, но Чжао-гэр решил: если уж есть, то всем троим вместе.

— Для начала возьму два десятка, — сказал он. — А как закончатся — ещё куплю.

Собеседник от неожиданности поперхнулся собственной слюной и закашлялся до красноты. Два десятка! И это «для начала»! Он-то думал, Чжао-гэр хочет взять пару штук, просто чтобы разок побаловать себя.

В деревне люди жили бережливо: яйца ели редко, обычно их копили, чтобы продать в городе. Если повезёт, за одно яйцо можно было выручить одну монету, а в плохие времена давали по три монеты за два яйца. Но всё равно — это было недёшево. Двадцати штук в доме Чжоу-гэра хватило бы на полгода.

После того как Лю Сяовэня забрали в армию, тётушке Лю пришлось несладко. И раньше-то они не шиковали, а теперь и вовсе перебивались с хлеба на воду, забыв вкус мяса. Сяовэнь в свободное время всегда находил подработку, принося в дом лишнюю копейку, а теперь всё хозяйство держалось на плечах Чжоу-гэра. Лю Дали был типичным крестьянином — честным, но тугодумным; кроме физической силы и умения пахать землю, талантов в нём не водилось.

— У тебя правда есть на это деньги? — осторожно спросил он.

— Есть, — просто ответил Чжао-гэр.

Почти всё, что зарабатывал муж, он оставлял супругу.

— Он доверил тебе казну? — Чжоу-гэр не скрывал изумления. Они прожили вместе всего месяц с небольшим, а Фан Цзычэнь уже отдал ему все деньги?

В семье Хэ Далэна достаток и впрямь был получше, чем у многих. Они держали четырёх кур-несушек и каждый день собирали свежий урожай; сейчас у них накопилась уже почти целая корзина. Чжао-гэр был в добрых отношениях с супругом Хэ Далэна, дядей Лю.

Стоило тому увидеть Гуай-цзая, как лицо его расплылось в улыбке. Он поманил малыша к себе, подхватил на руки и звонко расцеловал в обе щеки.

— Ох ты ж мой золотой! Дедушка Лю тебя целую вечность не видел. Скучал по дедушке?

— Скучал! — Гуай-цзай, сияя глазами, в ответ чмокнул его в щёку.

Дядя Лю, чьё лицо от смеха покрылось сетью морщинок, провёл гостей в дом. Он сунул Гуай-цзаю горсть свежевыкопанного арахиса, велел играть и не скучать.

— Давненько ты не заглядывал. Чем был занят всё это время? — Он вдруг осёкся, не дождавшись ответа, и спросил с тревогой: — Я тут только с поля вернулся, люди болтают, будто Ма Вэнь тебя искал?

Слухи разлетались по деревне со скоростью лесного пожара. Чжао-гэр молча кивнул. Дядя Лю не знал всех тонкостей их прошлого, но, помня о десяти годах, проведённых тем в доме Ма, всерьёз опасался, что у него остались чувства к бывшему мужу. Ведь когда-то Ма Вэнь единственный из всей семьи осмелился перечить родителям ради Чжао-гэра. Тогда его крики о том, что он не женится ни на ком другом, слышало всё Сяохэ. Теперь, когда он вернулся, стоило ждать беды.

— Он хочет, чтобы ты к нему вернулся? — прямо спросил старик.

Скрывать это не было смысла. Чжао-гэр снова кивнул. Дядя Лю пододвинул табурет поближе и по-отцовски похлопал его по руке.

— Ты только глупостей не натвори. Знаешь ли ты, почему Ма Дачжуан с женой в прошлый раз передумали и бегали к старосте, пытаясь вернуть тебя?

— Знаю.

— И что же ты знаешь?

Чжао-гэр нахмурился. Он полагал, что родители Ма Вэня души не чаяли в единственном сыне, и раз тот перед отъездом просил о свадьбе, они испугались его гнева. Но дядя Лю огорошил его правдой:

— Стоило тебе уйти, как в их доме всё прахом пошло: двор не метен, свиньи голодные, обед сварить некому — грязища по колёно! Вот Третий брат Ма и подал им «умную» идею: забрать тебя обратно, чтобы ты снова на них батрачил. Об этом одна соседка слышала и мне по секрету рассказала.

Об этом Чжао-гэр даже не догадывался. Фан Цзычэнь, если и знал, то оберегал его покой и ничего не говорил.

— Любит тебя Ма Вэнь на самом деле или нет — об этом я судить не берусь. В деревне как заведено: если жених работающий, за него и идут, а чувства потом придут. Но ты ведь лучше меня знаешь, что за змеиное гнездо эта семейка Ма.

Дядя Лю сокрушённо вздохнул:

— Даже если он и впрямь желает тебе добра, что с того? Стоит ему за порог — и эта стая обглодает твои кости. А он... он у Ма Дачжуана с женой в рот заглядывает. Говорят — «послушный сын», а по мне так просто бесхребетный и ведомый. Не смей снова в эту ловушку прыгать.

В деревне не было принято делиться имуществом и разъезжаться — обычно все жили одной большой оравой. Жениться или выйти замуж в такую семью — тяжёлый крест: нужно угождать не только свёкру со свекровью, но и всем братьям, дядьям и их жёнам. А Чжао-гэр и вовсе не был там на правах законного супруга — они держали его за бесправного раба. Теперь, когда он вырвался из этого ада, старик боялся, что парень по молодости лет поддастся на сладкие речи и добровольно шагнёт обратно в костёр.

Хоть деревенские бабы и шептались за спиной, что, мол, паренёк Фан тоже не подарок — ни кола ни двора, ни гроша за душой, и жизнь с ним немногим лучше, чем у Ма, разве что побоев нет... Дядя Лю думал иначе. Он своими глазами видел, как Ма Дачжуан охаживал Чжао-гэра дубиной в руку толщиной — бил так, будто убить хотел.

— Твой паренёк Фан, видать, неплох. Муж твой сказывал, что он в прошлый раз за тебя Лю-паршивца отделал. Видно, что ты ему не безразличен.

Гуай-цзай сидел рядом и сосредоточенно чистил арахис. Орехи подсыхли и стали твёрдыми; силёнок не хватало, так что он помогал себе зубами. Очищенные ядра он не ел, а бережно складывал в карман. Малыш всё ещё был худощав, но на нём была новая, добротная одежда, а личико заметно побелело и немного округлилось. Совсем не то, что раньше, когда он в лохмотьях бегал за Чжао-гэром по полям, тощий как облезлый зверёк.

Чжао-гэр перевёл взгляд на ребёнка, и его лицо осветилось нежностью.

— Я не вернусь. Сейчас я по-настоящему счастлив. Муж заботится и обо мне, и о Гуай-цзае. Вот и сегодня он дал мне денег, чтобы я купил яиц для нас.

— То-то я гляжу, ты в гости зашёл, — улыбнулся дядя Лю. — Найдётся у нас несколько штук, к чему эти разговоры о покупке? Сейчас принесу. — Он уже собрался встать, но Чжао-гэр поспешно добавил:

— Мне нужно двадцать штук.

— Чего? — Старик замер. — На кой тебе столько?

Чжао-гэру было неловко признаться в истинной причине — Фан Цзычэнь ворчал, что он слишком костлявый, и прижимать его к себе в постели неудобно. Поэтому он лишь сказал:

— Муж хочет, чтобы мы с Гуай-цзаем поправили здоровье.

— Заботливый у тебя муж, — с уважением произнёс дядя Лю.

Обычно мужчины думают лишь о продолжении рода, и желание откормить супруга можно было бы списать на это. Но когда человек, у которого в доме ещё шаром покати, заботится о пасынке как о родном — это дорогого стоит.

Старик отобрал двадцать самых свежих яиц, снесённых за последние дни, и аккуратно уложил их в корзину гостя. Своим он отдавал дешевле, чем на рынке — по две монеты за три штуки.

Едва Чжао-гэр переступил порог, как невестка дяди Лю язвительно бросила:

— Батюшка, ну и доброта же у вас через край плещет! Выбрали самые крупные, да ещё и по такой цене... Невиданная щедрость.

У дяди Лю на этот счёт разговор был короткий.

— А ну, позови его обратно, забери яйца и дуй с ними в город, — спокойно ответил он. — И пока не продашь каждое по монете — домой не возвращайся.

Невестка тут же прикусила язык. Сейчас не праздник и не страда, никто не станет покупать яйца за такую цену. Старик сурово глянул на неё, но развешивать ссору не стал. Женщина она была не злая, просто язык длинный да натура мелочная. Впрочем, все они тут были бедняками. Были бы в доме лишние деньги — кто стал бы так дрожать над каждой копеечкой?